

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

ЛУЧШАЯ КРИМИНАЛЬНАЯ ДРАМА

**ГЕРОИ
ГОРОДСКОГО ДНА**

Владимир Колычев
Герои городского дна

«ЭКСМО»

2014

Колычев В. Г.

Герои городского дна / В. Г. Колычев — «Эксмо», 2014

Матвей Грачев прошел суровую школу жизни – детдом, Чечня, зона, – но так и не смог найти себе места в этом жестоком мире. После очередной отсидки он смирился со своей «неприкаянностью», запил, опустился. И когда Матвей был уже на самом дне, судьба свела его с Элеонорой, владелицей столичного отеля «Гранд Хаус». Бизнесвумен пожалела парня и устроила его на работу охранником. В благодарность Матвей вызвался помочь ей в решении серьезных проблем с конкурентами. Он собрал своих бывших сослуживцев и подельников, организовал матерую преступную группировку и начал жестокую охоту на тех, кто осмелился покуситься на бизнес его спасительницы...

© Колычев В. Г., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Владимир Колычев

Герои городского дна

© Колычев В., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Часть первая

Глава 1

Весна, холодно, цветет черемуха. Красиво цветет, застывшими взрывами белого цвета. Деревья еще только-только зазеленели молодыми листочками, а черемуха уже в гирляндах благоухающих цветков, над которыми кружат пчелы в поисках нектара.

Май месяц, хочется солнца и тепла, но погожие деньки будут прятаться за хмурыми облаками, пока эта цветущая капризная невеста не выйдет замуж за Красное Лето. Как сбросит черемуха свадебный наряд, так и уйдет ненастье...

Холодно на улице, небо затянуто тучами, дождик срывается, но воздух наэлектризован предчувствием солнечного лета. Так и у Элеоноры на душе. Вроде бы и прохладно там после ссоры с бойфрендом, но сама она молодая, красивая, и все атрибуты успешной женщины налицо. Солидный бизнес, квартира на Чистых прудах, дом на Рублевке, четыре авто на выбор...

Была еще и старая дача в районе Пушкино. Шесть соток в садовом товариществе, кирпичный дом, семь на восемь, с мансардой, яблоневый сад. Ничего особенного, одним словом. Места здесь красивые – сосновый бор, до водохранилища рукой подать. И еще с этой дачи начинался ее путь в «белые люди».

Девять лет назад из своей глубинки она приехала покорять Москву. Поступала в институт и провалилась на первом же экзамене. Она так переживала, не зная, что делать дальше, но нашлась одна подруга по несчастью, предложившая ей выход из ситуации – через панель. Элеонора практически приняла это предложение, даже согласилась переспать с клиентом. И этим клиентом оказался ее будущий муж Дима.

Ему тогда уже было пятьдесят шесть лет, и хотелось новых острых ощущений... В общем, он стал ее первым мужчиной. Она долго и непритворно плакала после этого, а он ее пожалел. И пригрел. Поселил на этой даче, приезжал к ней. Потом снял для нее квартиру в городе, а через какое-то время развелся со своей женой, и Элеонора вышла за него замуж...

Уже пошел второй год, как Димы больше нет, а дача осталась. И принадлежала она Элеоноре на законных основаниях. Не было никакого желания продавать этот чемодан без ручки, не хотелось расставаться с памятью о прошлом, в котором она была по-своему счастлива с Димой...

Они не пользовались этой дачей с тех пор, как у них появился загородный дом, но каждую весну открывали сезон. Приезжали сюда, мыли окна, жарили шашлыки, пили вино, занимались любовью. Скучно ей здесь было, но виду она не подавала. И после того, как Дима ушел из жизни, приезжала сюда. Одна. Без шашлыков и вина. И даже окна после зимы прошлой весной вымыла. В память о Диме. Но траурный год уже прошел, да и она далеко не столь сентиментальна. Вряд ли получится настроить себя сегодня на работу. Хотя все возможно...

Въезд в садовое товарищество преграждали тяжелые железные ворота. Элеонора шумно выдохнула воздух и закатила глаза. Это не охраняемый поселок, и здесь нет человека, который открыл бы для нее ворота, придется самой... Или лучше уехать? Сдалась ей эта дача... Но как уехать после того, как она целых два часа убила на дорогу?

Она уже собиралась выходить из машины, когда мимо бредущим шагом прошло какое-то бомжевидное существо. Грязные спутанные волосы, многодневная щетина, замызганная куртка, грязные джинсы, заправленные в разбитые полусапожки.

Мужик даже не взглянул на внедорожник, но створку ворот открыл, и этого вполне хватило, чтобы проехать.

Элеонора остановилась, достала из кошелька сторублевую купюру, свернула ее в трубочку, чтобы, передавая деньги, случайно не коснуться грязной руки, и, открыв окно, протянула деньги:

– Эй, держи!

Бомж повернулся к машине и со спокойным укором посмотрел на Элеонору:

– А я просил?

Это был не молодой, но и не старый мужчина. Грязный, до безобразия запущенный, и еще от него сильно тянуло перегаром. Но черты лица не деформированы, как это бывает у законченного бездомного алкаша. И зубы не гнилые. Хорошие зубы, ровные, крепкие.

И черты лица жесткие, но не грубые. Густые черные брови, синие пронзительные глаза, нос хоть и со следами переломов, но утонченный, правильной формы, подбородок волевой, а лоб прорезала одна-единственная глубокая морщина – как черная полоса, которая перечеркивала его жизнь.

– Но ты же открыл ворота, – растерянно проговорила Элеонора.

– Чисто из уважения к женщине, – серьезно ответил он.

– Что, и не возьмешь?

Бомж пожал плечами, опустил голову и, взяв-таки купюру, побрел дальше.

Элеонора относилась к бомжам без сострадания. А за что их жалеть? За отсутствие характера и воли к жизни? Ну, попал человек в сложную жизненную ситуацию, ну, потерял жилье и остался на улице. Но сколько в России деревень с заброшенными в них избами. Бери любую, устраивай быт, сажай картошку и капусту. Жили же как-то раньше люди в глухих деревнях. Да и сейчас живут...

За что жалеть человека, который спился до такой степени, что не хочет да и не может работать? Есть люди, которые заражены вирусом бродяжничества, но так им другая жизнь и не нужна. Поэтому флаг им в руки и помойку на прокорм...

Она подъехала к дому. Забор вокруг участка дощатый, высокий, доски подогнаны плотно – с улицы не видно, что творится за оградой. А там происходило что-то неладное. Или уже произошло. Об этом можно было судить по калитке – прикрытой, но не запертой на замок. Кто-то взломал...

Сердце у Элеоноры даже не дрогнуло. Ничего ценного на даче нет, и если ее обнесли, то невелика потеря. Она открыла калитку, зашла во двор и увидела, как открывается дверь и из нее выходят двое – один лохматый, другой совершенно лысый. Оба высокие, крупные и наглые как танки. У одного в руках большие, битком набитые клетчатые сумки, а у другого – старый японский телевизор.

Это были самые настоящие грабители, но появление хозяйки не очень-то их и смутило. Они не бросились наутек и даже от вещей избавляться не стали.

Ретироваться пришлось самой Элеоноре.

Она испуганно пятилась к машине. Плевать на вещи, главное, чтобы с ней самой ничего не случилось.

Но эти двое, как шакалы, сразу почуяли в Элеоноре жертву. Лохматый остановился в нескольких шагах от нее и ткнул пальцем на сережки. А там бриллианты, по полтора карата в каждом. Еще и перстни на пальцах, часы золотые...

Надо как можно быстрее добраться до машины и спрятаться в ней. Заблокировать двери, завести двигатель и на всей скорости прочь от этого ужасного места!.. Но путь преграждал тот самый бомж, который открыл ворота. Заманивая в ловушку, открыл.

Один впереди, двое сзади, а она, из уважения к памяти покойного мужа, отправилась сюда одна. Надо было с водителем ехать, у него и травматический пистолет, и черный пояс по карате... Все, ловушка захлопнулась. Нормальных людей не видать, калитка и дверь в дом

открыты. Сейчас ее заташат на дачу, сначала ограбят, а потом... Элеонору чуть не парализовало от мысли, что будет потом...

Она вдруг вспомнила о газовом баллончике, который находился у нее в сумке. И у нее была возможность его достать, так как она поняла, что бомж не собирается преграждать ей путь, хватать за руку. Он прошел мимо нее, встал на пути у грабителей и зло спросил:

– Ты куда прешь, баклан?

За спиной послышался шум, похоже, кто-то кого-то ударил. Что-то с грохотом упало, наверное, телевизор. Удар, еще удар. Элеонора ничего не видела, она лихорадочно рылась в сумке, ища баллончик. Как только он оказался у нее в руках, она развернулась лицом к опасности и нажала на кнопку. Струя слезоточивого газа брызнула бомжу в затылок.

Грабители лежали – лохматый без признаков жизни, лысый катался по земле, хватаясь за живот. Катался и жалобно скулил.

Элеонора убрала палец с кнопки, опустила руку с баллончиком. Ветер сдул аэрозольное облачко, и бомж повернулся к ней, пытаясь что-то сказать, но она снова вскинула руку с баллончиком и направила струю в лицо противнику.

Вроде бы этот мужик и спас ее от расправы, но где гарантия, что он сам не попытается ее ограбить? Может, он всего лишь устранил конкурентов?

Большая часть газов попала бомжу прямо в лицо. Глаза сильно заслезились, в носу что-то хлюпнуло. Но при этом он продолжал смотреть на Элеонору – зло и удивленно. Он ведь выручил ее, а она расплачивалась с ним черной неблагодарностью.

– Извини! Я не хотела! – лихорадочно отбросила баллончик в сторону Элеонора.

– Хотела, – покачал головой бомж. Глаза у него уже были красными от слез.

Она вспомнила про деньги, полезла в сумочку за кошельком:

– Я заплачу!

– Не надо! – повернулся к ней спиной мужик. Похоже, он торопился к воде, чтобы умыться.

– Эй, ты куда? – окликнула его Элеонора и взглядом показала на лохматого: – А с этими что делать?

– Потом... – махнул рукой бомж.

– Там, во дворе, вода...

Вода подавалась из скважины, чтобы насос работал, нужно было включить электричество, а это целая процедура. Но во дворе стояла старая ржавая бочка с водой, в принципе бомжу все равно, в какой воде умыть свою грязную физиономию.

Перешагнув через разбитый телевизор, мужик зашел во двор, а Элеонора села в машину, завела двигатель. Если вдруг грабители снова набросятся на нее, она просто сдаст задом и уедет. А завтра сюда подъедут охранники и наведут порядок... Но лучше сделать все сейчас. Разогнать грабителей, занести вещи обратно в дом, закрыть дверь, калитку.

Но разгонять никого не пришлось. Сначала на ноги поднялся лысый. Опасливо глянув на открытую калитку, он поспешил вдоль по улице, даже своему дружку не помог подняться. И о награбленном забыл. Лохматый, поняв, что остался в одиночестве, вскочил на ноги и бросился вслед за лысым. Даже на Элеонору не взглянул, не до сережек ему сейчас...

Только убрались грабители, как появился бомж. Она его больше не боялась, он даже заинтриговал ее, вон как профессионально расправился с грабителями.

– Далеко собрался? – спросила Элеонора.

– Да нет, – пожал он плечами.

– Живешь здесь?

– Ну-у...

– Не хочешь говорить где?

– А зачем тебе?

Бомж обратился к ней на «ты», и это резануло слух. Если он старше ее, то не намного, к тому же статусная разница между ними – непреодолимая пропасть. Но смешно было бы требовать от него обращения на «вы». Да и зачем?

– Да странный ты какой-то. Вроде бомж, а вроде бы не совсем.

– Нет у меня определенного места жительства. Значит, бомж, – усмехнулся он.

– И давно так?

– Не очень.

– А лет сколько?

Бомж исподлобья посмотрел на нее и бросил в ответ:

– Пойду я.

– А вещи в дом занести? Я заплачу. Сто рублей за сумку.

Он кивнул, послушно поднял с земли баулы и понес их к дому. Элеонора пошла следом. Любопытство боролось в ней с презрением и брезгливостью, а жалость к этому несчастному брала верх.

Мужик занес вещи на веранду, оставил их там и повернул назад. Элеонора протянула ему две сотенные купюры, он молча их взял и направился к калитке.

– Эй, а посмотреть, что в доме, не хочешь? – спросила она.

Он покачал головой, даже не замедлив шаг.

– Ну, может, стащишь что-нибудь?

Мужик резко остановился, развернулся и, сурово глянув на нее из-под нахмуренных бровей, отчеканил:

– Я – не грабитель.

Элеонора покачала головой. Не могла она отнестись всерьез к этому утверждению. Кража для бомжа не преступление, способ выживания. А за бутылку он и убить может...

– Может, здесь на хозяйстве останешься? – неожиданно для себя спросила Элеонора. – Я заплачу!

Это подействовало, бомж остановился, повернулся к ней.

– Я здесь редко бываю, а за домом следить надо. Если ты такой честный, я могла бы тебя здесь оставить. И жить будешь, и сторожить... Десять тысяч в месяц тебя устроят?

– Да, – кивнул он.

До Элеоноры стало доходить, какую глупость она совершает. Как можно волка поставить на охрану овечьего стада?

– Если хоть одного дружка сюда приведешь, я тебя выгоню.

– Я вас понял.

Она поощрительно повела бровью. Мужик обратился к ней на «вы», значит, в нем еще не умерло реальное восприятие действительности. Вдруг из него выйдет толк? Десять тысяч в месяц для нее – тьфу! А если дача вдруг сгорит, ее стоимость покроет страховка...

– Это аванс. – Она достала из кошелька две тысячные купюры, положила их на стол под навесом и добавила: – Если устроишь здесь притон, тебя накажут, и никакое карате тебе не поможет, или чем ты там владеешь...

Бомж слегка кивнул, но ничего не сказал. Элеоноре без разницы, чем именно он владел – карате, самбо или борьбой нанайских мальчиков. А если без разницы, то и незачем что-то объяснять.

Уже подходя к калитке, Элеонора остановилась и, не глядя на мужика, велела ему вымыть окна и убраться в доме. Кто-то же должен был это сделать. Она уехала, даже не спросив, как его зовут.

Завтра же она избавится от этого мужика. Решено, завтра сюда приедут люди, которые вышвырнут его из дома... Если, конечно, он не вымоет окна и не наведет порядок в доме и на участке...

Глава 2

Взрывной рок-н-ролл, какофония света и звука, бешеный драйв, заводной «мохито»... Жизнь в ночном клубе была ключом – клиенты танцуют на полу, стриптизерши – на тумбах с шестами. Веселится народ, зажигает. И Элеонора чувствует себя неплохо. У нее ВИП-зона – полукруглый кабинет на двенадцать персон, со стеклянной стенкой, через которую общий зал просматривается насквозь. Она наблюдает за публикой, а ее никто не видит, поэтому можно и мальчика в приват позвать. Но стриптизеры на относительно трезвую голову вызывают у нее чувство отторжения.

Да и компания не располагает к особому веселью. Младшая сестра и ее подруга – вот и вся тусовка. У Анжелы те же проблемы, что и у старшей сестры. Со своим парнем она рассталась, причем навсегда. Ей бы в общий зал в поисках новой любви, а она тянет через трубочку коктейль и тупо смотрит на танцпол за стеклом. И ее подруга сегодня такая же амеба. А может, это не только Анжела на нее тоску нагоняет, но и сама Элеонора?

В кабинет вошел симпатичный, атлетического сложения охранник в белой рубашке. Анжела скользнула по нему пренебрежительно-равнодушным взглядом. Она не собиралась крутить любовь с первым встречным красавчиком, ей богатый кавалер нужен. Смазливая она девчонка и умная – филологический факультет МГУ заканчивает, на красный диплом идет. Только вот счастья нет. То с одним богатым закрутит, то с другим, а замуж никто не берет. Квартира у нее своя в Москве, машина, шмотки, все такое, но это заслуга старшей сестры. А она самостоятельной хочет быть. И за богатым мужем...

– Элеонора Витальевна, тут человек к вам просится. Калужных Иван Семенович. Я говорю, что нельзя, а он давит...

Вид у парня действительно был такой, будто на него давили. И Элеонора понимала почему. Она знала, кто такой Калужных, поэтому и сама расстроилась.

– Ну, почему нельзя? Пусть заходит...

Этот ночной клуб принадлежал ей, как и все здание, в котором он размещался.

Большое здание в престижном районе Москвы, возле станции метро. Дима закрыл все свои бизнес-проекты, вывел из них активы и бросил их на строительство гостиницы. Не обошлось без инвестиций и кредитов.

Очень серьезное дело он затеял, и все свои средства в него вложил, и душу. Знал бы кто, сколько нервов ему это стоило. Может, потому и надорвался.

Он мечтал построить гостиницу, открыть рестораны и ночной клуб, организовать четкую и бесперебойную работу, а потом почивать на лаврах, особо не напрягаясь. Немолодой он уже, мягко говоря, был, потому и стремился к спокойной жизни на старости лет. Но эта мечта его и убила. И отель он построил, и работу наладил «от» и «до», но стоило ему расслабиться, как сердце дало сбой. Один инфаркт, тут же второй – и все, не стало у Элеоноры мужа. Только память о нем – по списку в завещании...

Теперь она сама могла бы наслаждаться мечтой, которую воздвиг для нее Дима. Но не успела выплатить по кредитам, как возникла проблема с акционерами. Некто Калужных вдруг предъявил права на особое место в совете директоров. Акции всего на девять процентов, а гонору – на все сто.

Калужных вошел в кабинет без охраны, но и без этого смотрелся очень внушительно. Жесткие и суровые черты лица, тяжелый пронизывающий взгляд. И голос у него такой же грубый. Не молодой он уже, лет сорок ему, не меньше.

Иван Семенович носил дорогие костюмы под галстук, но куда больше ему подошел бы спортивный костюм с золотой цепью под распахнутой курткой. Он старался выглядеть респектабельно, но вел себя при этом как бандит с большой дороги. В сущности, он им и был.

– Целую ручки, Элен! – подмигнул он Элеоноре.

Она даже не шелохнулась, и он сел на диван рядом с ней, вытянув руку вдоль спинки. Со стороны казалось, что он обнимал ее.

– Скучаешь? – небрежно спросил Калужных.

– Теперь да, – кивнула она.

– Ну, я ненадолго. Всего на пару слов... Собрание акционеров надо бы провести.

Элеонора скривилась, как от кислого лимона.

Дима старался минимизировать инвестиции в строительство гостиницы, поэтому лица со стороны в общей сложности владели всего двадцатью четырьмя процентами акций. Да и лиц этих – раз, два и обчелся. Их всего трое, включая Калужных. А Элеонора четвертая, а если точнее, то первая со своим подавляюще крупным контрольным пакетом. С таким преимуществом она запросто могла послать Калужных далеко и надолго. И послала бы, если бы не страх...

«Крыша» у нее была – «красная», ментовская. Рубоповцы могли защитить отель от бандитских наездов, но в отношении между акционерами они вмешиваться не станут. А за Калужных криминальная сила, с которой нельзя не считаться. Он ведь и отморозков мог нанять, и даже киллера...

Дима много чем занимался в Москве, и бензином торговал, и металлический лом на экспорт отправлял, в том числе и цветной. Дела эти прибыльные, поэтому приходилось контактировать с криминалом, искать у бандитов содействия и покровительства. На этой стезе Дима и сошелся с неким Калугой, которого затем взял в долю. По своей воле взял, или его заставили, Элеонора не знала. Может, и заставили...

– Когда?

– Через три дня.

– По поводу?

– Стоимость услуг нужно поднять. Маловато с клиентов берем...

– Кто такое сказал? – Элеонора удивилась, но эмоции оставила при себе.

Если Калужных пришел сюда, чтобы устраивать провокации, ей вовсе не обязательно поддаваться на них.

– Я сказал... У нас сейчас много свободных номеров? – сухо спросил он, делая упор на «нас». – Нет свободных номеров, за исключением особого резерва, так? А если так, то наш «Гранд Хаус» пользуется повышенным спросом, и мы имеем право поднять стоимость наших услуг.

– В стоимость наших услуг мы закладываем среднерыночную цену, исходя из конкуренции, – стараясь держать себя в руках, ответила Элеонора. – Максимальную цену мы можем задать только из уникальности наших услуг, но этого, к сожалению, нет, мы ничем не отличаемся от других гостиниц нашего класса.

– Это все слова, – перебил ее Калужных. – Мне и остальным директорам нужны четкие расклады, с полной выкладкой по цифрам и фактам. И подробный отчет: приход-расход, все дела. Куда, сколько, зачем...

– Само собой, – поморщилась она. – Через месяц будет плановое собрание, там я подробно обо всем отчитаюсь.

– Нет, не через месяц, а послезавтра. Я настаиваю!

Калужных смотрел на нее тяжело, холод в его глазах вымораживал душу. При всем своем желании Элеонора не могла послать его. Страшно ей стало: ведь на нее смотрели бездушные глаза убийцы. Если он захочет, то сам может убить ее...

– Ну, хорошо, послезавтра, – выдавила она.

– А чего ты такая замороженная? – усмехнулся Калужных.

– Послезавтра. Послезавтра поговорим.

– Прогоняешь? Жаль, а то мы бы могли зажечь... Девочка ты – супер...

- Я не девочка! – неприязненно поморщилась Элеонора.
- Я слышал, твой покойный муж тебя на подиуме нашел?
- Не твое дело.

– А может, там не подиум был? Может, что-то другое? За счет чего, ты говоришь, поднимается цена товара, за счет уникальности? Ты уникальная девочка, Элен. Поэтому и стоишь дорого.

- Тебе такую цену не понять, – съязвила она.
- Поживем – увидим.

Калужных неторопливо поднялся, оправляя полы пиджака, и, не прощаясь, покинул ВИП-зону. Анжела проводила его заинтригованным взглядом и оживленно спросила:

- Кто такой?

Не трудно было понять причину ее интереса. Калужных и смотрелся круто, и деньги у него были, и не старый он, хотя и не молодой. Как раз то, что ей нужно.

- Даже не думай, – покачала головой Элеонора.
- Почему?

Она хотела сказать, что Калужных враг, но не решилась на это. Испугалась. Как будто ее здесь могли прослушать.

- Не тот он человек, который тебе нужен.
- А чего он хочет?
- Ничего хорошего.

Элеонора залпом допила свой коктейль, потребовала новый и утонула в мягкости спинных подушек.

Достал ее Калужных, до печенок достал. Но это все еще только цветочки, худо будет, когда он ягодками станет класть...

Она искала выход из ситуации с таким усердием, что у нее разболелась голова. Пора ехать домой.

Но только она собралась уходить, как появился вдруг «мистер «Икс» в плаще и карнавальной маске. Танцуя под музыку, он скинул с себя плащ, обнажая мускулистый торс.

Элеонора не настроена была на такие удовольствия, но все-таки пришла в восторг. Ведь это был не просто танцор, а ее Альберт, с которым она не так давно поругалась.

Анжела и ее подруга ожидали от него большего, но Альберт снял с себя только маску. На этом танец закончился, но представление, как оказалось, только начиналось. Он встал перед Элеонорой на одно колено, протянул ей коробочку из красного бархата, сам же и открыл ее. В коробочке лежали два обручальных кольца.

– Вау! – завизжала от восторга Анжела и захлопала в ладоши. Она завидовала сестре, но это не мешало ей радоваться за нее.

– Прошу руки и сердца, дорогая! – приложив руку к груди, торжественно проговорил Альберт.

Он белозубо улыбался, не сводя с глаз с Элеоноры.

Она поднялась, смахнула со спинки кресла бутафорский плащ, набросила ему на плечи и, с улыбкой поцеловав его в щеку, тихо проговорила:

- Поехали домой, клоун!

На прошлой неделе Элеонора сказала, что не прочь оформить с ним отношения, и это вогнало его в ступор. Он в принципе не отказывался, но и четкого «да» она не услышала. Это и вывело ее из себя. Она нагрубила ему и выставила за дверь. Сама бы ни за что не сделала шаг навстречу, но раз уж он первый это сделал, да еще подал в красивой экстравагантной упаковке, то почему бы не простить его. Тем более она соскучилась по крепкому мужскому плечу. Да и замуж можно в принципе выйти.

Глава 3

И черемуха отцвела, и солнце светит ярко. И на душе ясная погода после бури, которую вчера устроил в постели Альберт. Только вот на горизонте прямо по курсу темная туча, и неплохо было бы обойти ее за счет смелого и рискованного маневра.

Элеонора чувствовала себя пилотом большого мощного самолета, а Калужных казался ей грозным фронтом, который нужно было обойти. А еще лучше – разогнать...

Она сама связалась с ним, пригласила его к себе в кабинет. И он приехал. Важный, крутой, неприступный, взгляд жесткий, заиндевелый.

– Иван Семенович, у вас такой вид, что мне хочется обойтись без предисловий, – преодолевая смущение, заговорила Элеонора.

Калужных вальяжно кивнул. Дескать, он весь внимание.

– Я хочу выкупить ваш пакет акций, – выдавила она.

– Коротко и ясно, – холодно усмехнулся он.

Эту идею подсказал ей Альберт. Она попросила у него совета, и он подсказал ей выход из ситуации. Нет акционера – нет проблемы.

– Боюсь, что рыночная цена вас не устроит, – вздохнула Элеонора.

– Не устроит, – кивнул он.

– Но вы согласны продать свои акции?

– Согласен. Вы же обошлись без предисловий, Элеонора Викторовна, и я не буду мутить воду. Девять миллионов долларов за мой пакет акций, и мы расходимся.

– Неплохо, – оторопело проговорила она.

– Я тоже так думаю.

– Неплохо, что вы оценили мой отель в сто миллионов долларов. Я, пожалуй, продала бы вам его за такую цену.

На самом деле отель стоил в три раза меньше.

– Нет, за сто миллионов я отель покупать не буду. А за девять миллионов свои девять процентов продам.

– Но это нереальная сумма. Я не готова вам ее предложить... Я могу предложить...

– Меня не интересует, сколько вы можете предложить, – оборвал ее Калужных. – Меня интересует сумма, которую я хочу получить за свой пакет.

– Это нереальная сумма, – повторила Элеонора.

– Значит, я не хочу продавать свой пакет. – Калужных поднялся со своего места. – До завтра!

– Почему до завтра? – не поняла она.

– Потому что на завтра у нас запланировано собрание акционеров. Я буду требовать подробного отчета, – угрожающе посмотрел на нее бандит. – И если вдруг обнаружу хоть малейший обман... Поверь, я могу наказывать очень жестоко. Могу и наказываю. Так что постарайся не давать повода.

Он ушел, а Элеонора еще долго смотрела на закрывшуюся за ним дверь невидящим взглядом.

Супчик казался пресным и невкусным, жаркое из тигровых креветок и осетрины не лезло в рот. И повар здесь ни при чем, просто настроение плохое.

– Попала ты, мать. Конкретно попала. Этот урод от тебя не отстанет, – ловко орудуя ножом и вилок, сочувственно произнес Альберт.

– Точно, урод. – Элеонора не могла не согласиться с этим.

Все-таки проявил Калужных свою черную бандитскую суть. Теперь он опасный зверь из каменных джунглей по кличке «Калуга». Сволочь. Мразь. И ублюдок. Но как его ни называй, делу это не поможет. С этим уродом один только разговор – пуля в лоб, и все дела. Но Элеонора даже не знала, к кому с таким вопросом обратиться. Служба безопасности у нее в принципе имела, но там не было на все сто процентов надежного человека. Охрана гостиницы и личный водитель, он же телохранитель, – вот и вся служба.

– Он тебе житья не даст, – в раздумье покачал головой Альберт. – Пока директором отеля не станет, не успокоится.

– Директором?

– Ну, или он, или его человек...

– С его девятью процентами акций? Это даже не блокирующий пакет! – возмутилась Элеонора.

– Блокирующий, – усмехнулся Альберт. – Ну, если по факту... Сколько блокирующий пакет акций стоит? Девять миллионов?

– Ну, если грубо, где-то так...

– Вот он тебе такую цену и заломил... Он теперь тебя по всем фронтам блокировать будет. Ни одно решение не проведешь без его согласия.

– Плевать я на него хотела!

– Хотела. А можешь плюнуть? То-то же... Он мужик крутой, плюнешь в него – ответка прилетит.

– И что же делать?

– Не знаю. Я бы на твоём месте выкупил акции.

– За девять миллионов?!

– А что, реальная цена, – совершенно серьезно сказал Альберт. – Твой «Гранд Хаус» элитный без всяких натяжек. Центр Москвы. А недвижимость растет в цене. У меня друг в прошлом году «трешку» на Таганке за двести «тонн» купил, а сейчас она уже все триста стоит. И это еще далеко не предел...

– Ну, предел или не предел, никто не знает. Может, назад все спрыгнет.

– Это вряд ли. Хотя все может быть... Я же не предлагаю тебе ничего, просто советую. А ты решай.

– Где я возьму девять миллионов?

– Ну, это уже не ко мне... – вздохнул Альберт. – Ты же знаешь, я на расширение пошел и дом строю. Сам в долгах, как в шелках...

Элеонора кивнула. Да, все это ей известно. Она сама совсем недавно расплатилась с долгами, в которые влез Дима, чтобы поставить отель, свободных денег на счетах – кот наплакал.

– Ну, миллион я наскребу.

– Остальные восемь можно взять в банке.

– Можно и так, – пожала плечами Элеонора.

Она могла обратиться в «Делинвест-банк», у которого Дима брал деньги под строительство. Кредитная история у нее хорошая, так что проблем быть не должно.

Не хотелось ей влезать в долги, но Альберт, увы, прав. Если есть возможность откупиться от Калуги, надо воспользоваться ею, пока не поздно. А то ведь цены на московскую недвижимость могут вырасти значительно, тогда и бандит повысит свои запросы...

Душа не на месте, настроение никакое. И еще спать хочется после бессонной ночи. Впрочем, все худшее уже позади...

Живот у Саши заболел, няня вызвала врача, и его увезли в больницу. Элеонора подъехала, когда сына уже оперировали. Острый аппендицит у него случился, потребовалась сроч-

ная операция, а у няни не оказалось при себе денег. Может, потому анестезиолог и дал Саше лошадиную дозу наркоза.

Операция прошла успешно, хирург получил премию, а с анестезиологом разговор будет отдельный. Элеонора сделает все, чтобы этому подонку отбили все потроха. Надо будет, обратится за содействием к Калужному, он организует под это дело пару-тройку ребят. Позвонит ему и попросит содействия. Он же сказал, что Элеонора всегда может рассчитывать на него. Получая деньги за свои акции, сказал. И ему можно верить, ведь их теперь не связывают общие интересы. Они теперь просто друзья. Ну, как бы...

Сашу еле откачали, почти двое суток он провел в реанимации. Сейчас с ним все хорошо, и Элеонора, наконец, может расслабиться. И приступить к работе. Ну и с костоломами вопрос решить, подлец не должен уйти от наказания...

Черный «шестисотый» «Мерседес» остановился напротив парадного входа, возле которого прохаживался швейцар в расшитой золотом ливрее. На улице моросил мелкий дождь, но, выходя из машины, Элеонора этого не почувствовала. Крыша над подъездной дорогой – длинная, широкая и прозрачная.

Швейцар угодливо распахнул дверь, склонив голову перед хозяйкой. А охранник в холле вдруг перегородил ей путь и холодно произнес:

– Сюда нельзя!

Элеонора чуть не задохнулась от возмущения. Она ни разу не видела этого крутолобого парня, и он мог не знать ее в лицо. Но входить в отель можно всем, кроме бомжей и прочих дегенератов. А уж она-то на бродяжку точно не похожа.

– Начальника охраны сюда!

Элеонора могла обойти этого придурка, но ведь она хозяйка отеля и должна наказывать всех, кто не справляется со своей работой.

Парень кивнул, поднес к губам рацию:

– Андрей Виленович, вас Севастьянова вызывает.

Элеонора оторопело уставилась на охранника. Оказывается, он знал, с кем имеет дело. И кто такой Андрей Виленович?

– Что все это значит? – спросила она.

– Элеонора Викторовна, вам сейчас все объяснят, – глядя куда-то в сторону, сказал парень.

Он всем своим видом давал понять, что исполняет чью-то злую волю, сам же он ни в чем перед ней не виноват.

Из глубины гостиничного холла к ней подошел невысокий, плотного сложения мужчина с маленькими глазами под крупными, выдающимися надбровьями. Черный костюм, белая рубашка с галстуком, но бейджика нет.

– Здравствуйте, Элеонора Викторовна, – поздоровался он, угрюмо глядя на нее.

– Кто вы такой? – нервно спросила она.

– Лазарев Андрей Виленович, начальник охраны отеля.

– А Ремезов где?

– Уволился... Новая метла по-новому метет.

– Какая метла?

– Новый директор у нас. А вы разве не в курсе?

– В курсе будет милиция. Сейчас я вам тут устрою бал-маскарад!

– Как вам угодно, – развел руками Лазарев.

– И кто у нас тут новый директор? – язвительно спросила она.

– Шарабанов Алексей Павлович. А вы, Элеонора Викторовна, уволены.

– Уволена?!.. Я владею этим отелем! Целиком и полностью владею! Кто может меня уволить? – импульсивно раскинув руки, спросила она.

– Ну, не знаю! Мне сказали, я делаю... Если вас что-то не устраивает, я могу провести вас к Шарабанову.

Элеонора ничего не сказала, она просто направилась к лифту, и Лазарев последовал за ней.

Новый директор оккупировал ее кабинет. Мало того, на Элеонору он посмотрел так, как будто она была какой-то жалкой попрошайкой, посмеившей отвлечь его от важной работы.

– И что все это значит? – резко спросила она, уничижительно глядя на самозванца.

Это был жирный боров с наглыми пороссячьими глазками. Толстые красные щеки, железобразный второй подбородок. Смотреть противно...

Шарабанов зевнул, с кислым видом глядя на нее.

– Я сейчас милицию вызову! – пригрозила Элеонора.

– Вызывайте. У нас все по закону. – Он взял папку и небрежно швырнул ее на приставной стол, возле которого остановилась Элеонора.

– Что здесь? – открывая папку, спросила она.

– Постановление совета директоров о приостановлении ваших полномочий.

– Бред какой-то! Я – председатель этого совета, никто не мог принять решения без меня!

– Но тем не менее решение принято. Если вы с чем-то не согласны, обращайтесь в суд.

– Какой суд?! Я обращусь в прокуратуру! Это незаконный захват чужого имущества!

– А на ваше имущество наложен арест, – совершенно спокойно, тихим гнусавым голосом произнес Шарабанов.

– Что?

– В связи с начавшейся процедурой банкротства.

– С какой процедурой?! – От собственного крика у Элеоноры зазвенело в ушах.

– Там все документы. – Шарабанов пальцем показал на папку. – Там все объяснения...

Вы взяли кредит в «Делинвест-банке», фирма «Реверс» выкупила ваш долг и начала процедуру банкротства в связи с невозможностью отеля «Гранд Хаус» выплатить задолженность. Суд принял решение об аресте вашего имущества, размещенного в отеле «Гранд Хаус».

– Вы это серьезно? – Элеонора просто не могла поверить своим ушам.

– Там все документы. Можете обращаться в суд, можете обращаться в прокуратуру.

– Я обращусь к своей «крыше»!

– Это ваше право. – Изображая безмятежность, Шарабанов зевнул во весь рот.

– Суд не мог принять такого решения! – мотнула она головой.

– Не мог, а принял.

– И почему это «Гранд Хаус» не в состоянии выплатить задолженность? И кто давал право «Делинвест-банку» продавать мои долги?

– Не знаю. Я ничего не знаю. Совет директоров принял решение и назначил меня на должность директора. А я принял решение отстранить вас от участия в управлении отеля. Это мое право. А ваше право обратиться в суд.

– Это какой-то беспредел!

– Не знаю, ничего не знаю! – Шарабанов сочувствующе глянул на Элеонору и движением руки показал на дверь.

Он прекрасно понимал, что происходит, но не собирался помогать ей. Напротив, он должен был утопить Элеонору, иначе она сама сотрет его в порошок. А она обязательно сделает это, потому что закон на ее стороне...

Глава 4

Ворота в дачный поселок открыты, можно ехать. Но зачем? Элеонора тупо смотрела вперед, не понимая, за каким чертом ее сюда занесло.

Встреча с адвокатом не просто расстроила Элеонору, она ее убила. Потому и отключилось перегруженное сознание, когда она села в машину. Выпала из действительности, но автопилот вывел ее к старой даче.

Почти два месяца прошло с тех пор, как она оставила здесь на хозяйстве бомжа. Все хотела подъехать, но не могла найти для этого времени. То одно, то другое.

И сейчас ей не до старой дачи. Но раз уж приехала, надо бы глянуть, что здесь да как.

Элеонора притормозила, остановилась у калитки и вышла из машины.

Калитка была открыта, она зашла во двор и увидела коротко постриженного парня, который стоял с лопатой у картофельных грядок. Из одежды на нем были только серые шорты. Голый торс, рельефный живот, мускулистые руки. И на лицо довольно-таки симпатичный.

Элеонора могла бы им залюбоваться, если бы не вспомнила свой прошлый сюда приезд. Тогда из ее дома вытаскивали вещи, сейчас воруют картошку. Что, если этот грабитель кинется на нее с лопатой?

Но растерянность длилась доли секунды. Сначала она узнала парня, а затем до нее дошло, что без него картофель на грядках и не появился бы. Это бомж ее посадил и вырастил.

Да и не похож был парень в шортах на бомжа. Спортивного телосложения, очень даже симпатичный, и опухлости с лица сошли, даже морщины на лбу разгладились.

– Ты что здесь делаешь? – не зная, с чего начать, спросила она.

– Да вот, дары природы.

– Ну да.

Элеонора заметила, что бомж основательно похозяйничал у нее на участке. Земля возделана везде, где только можно, садовые деревья ухожены и побелены. И тротуарная дорожка к дому очищена от травы и грязи.

Но все это мелочи по сравнению с тем, какое впечатление произвел на нее сам парень. Его синие пронзительные глаза вдруг заставили ее забыть о катастрофических проблемах.

– Я так понимаю, вы деньги привезли? – спросил он.

– Деньги?! Ну да, деньги! – Элеонора полезла в сумочку, достала кошелек, вынула оттуда несколько купюр.

Четыре тысячи всего, но этого мало.

– Что, больше нет? – невесело усмехнулся парень.

– Как это нет! Есть!

Элеонора вспомнила о деньгах, которые собиралась передать адвокату. Встреча с ним состоялась, но двадцать тысяч долларов она увезла с собой.

– На какую сумму мы там договаривались? – спросила она, нащупав пачку с деньгами.

– Десять тысяч рублей в месяц.

Она отсчитала десять купюр, протянула их парню:

– Здесь тысяча долларов. Это за три месяца.

– Хорошо. – Он спокойно забрал деньги, сунул их в карман. На сумочку даже не посмотрел, хотя должен был понимать, что там не пусто.

Только сейчас Элеонора заметила выколотый на его груди прямоугольный крест, который «держался» на такой же вытатуированной цепи с толстыми витыми звеньями. Качественная татуировка, с объемным эффектом – такую не каждый мастер сделает.

– Это что-то значит? – спросила она, протягивая руку.

Ей вдруг захотелось прикоснуться пальцем к этому кресту, но она тут же одернула себя.

– Вера в свою судьбу.

– А ты веришь в свою судьбу?

Он неопределенно пожал плечами.

– А это? – Элеонора показала пальцем на шрам под солнечным сплетением.

Как будто ножом в живот ударили, провернув его в ране, а потом зашили. И это были не все шрамы. На боку рубец, на плечах.

– Чаю не хотите? – спросил парень.

– Чаю?!

Элеонора покачала головой. Не до чая ей сейчас. Но в то же время она никуда не торопилась. Саша в больнице, и сегодня утром она уже была у него. Домой ехать опасно... Тучи над ней не просто ступились – вот-вот, казалось, могла ударить молния.

– Ну, можно...

Парень взял ведро с картошкой, направился к дому. Элеонора чуть выждала и пошла следом за ним.

Она помнила, с какой легкостью этот парень справился с крепкими на вид грабителями. Вдруг он сможет выручить ее еще раз?..

В доме все лежало на своих местах, окна вымыты, полы чистые. Похоже, бомж всерьез относился к своим обязанностям.

Элеонора села на диван в каминном зале, закрыла глаза. Тихо в доме, уютно, убаюкивающе тикают часики. Рядом, на кухне, хозяйничает мужчина, который, в случае чего, мог дать отпор. Она почти заснула, когда появился парень и стал накрывать на стол. Поставил чашки, заварочный чайник, печенье в вазочке, сам сел к столу, бросил в чай пару кусочков сахара, взял печенье.

– Как тебя зовут? – спросила Элеонора, усаживаясь на стул.

– Матвей.

– Сколько тебе лет, Матвей?

– Двадцать девять.

Элеонора согласно кивнула. На эти годы он сейчас примерно и выглядел, потому что привел себя в порядок. А совсем недавно выглядел чуть ли не на сорок...

– И откуда ты такой взялся?

– Из тюрьмы.

Она от неожиданности уронила кубик сахара на стол. Хотела положить его в чай, но рука дрогнула.

– Да вы не бойтесь, я не грабитель, – мрачно усмехнулся Матвей.

– А кто?

– Бандит.

– Ты это серьезно? – И второй кусочек вывалился у нее из рук.

– Статья двести десять, часть вторая, участие в преступном сообществе, от пяти до десяти лет. Мне дали шесть лет.

– Интересно.

– Ничего интересного, – отрезал Матвей. – Вляпался по молодости, до сих пор выгребая.

– Шесть лет отсидел?

Элеонора отхлебнула из чашки. Вкусный чай – густой, крепкий, запах натуральный, насыщенный.

– От звонка до звонка.

– Давно вышел?

– Да нет, полгода уже. Вернулся домой, а дома-то и нет...

– Сгорел?

– Хуже. Жизнь сгорела.

– И ты с горя запил.

– Ну, не сразу... Но, в общем, да... Спасибо вам... э-э...

– Элеонора Викторовна.

– Такая молодая, и уже Элеонора Викторовна, – беззлобно усмехнулся он.

– Уже.

– Тревога у вас какая-то в глазах. Что-то случилось?

– Случилось! – Элеонора вдруг разозлилась. – Такие уроды, как ты, наехали!

Взгляд Матвея потемнел, потяжелел, заледенел. Он ничего не сказал, но ей захотелось извиниться перед ним.

– Я не хотела тебя обидеть... – пробормотала она.

Нет у нее бизнеса, и дом отобрать могут, и машины, и все, что досталось ей от мужа. Только Сашка у нее на руках и останется. Какой уж тут нос задирать, не в том она положении, чтобы кочевряжиться.

– «Крышу» предлагают?

– «Крышу»?!. Если бы!.. Отобрать все хотят... У тебя сигареты есть?

Матвей положил на стол пачку «Золотой Явы». Элеонора поморщилась. Ей бы «Вог» сейчас или хотя бы «Парламент». Но Матвей не настолько богат, чтобы покупать дорогие сигареты. Он вообще не богат. И непонятно, откуда у него хоть какие-то деньги. Уж не подворовывает ли где?

Курила она редко, в основном когда выпьет, но сейчас ее тянуло на сигареты, как беременную – на селедку.

– Не фонтан, конечно, но лучше что-то, чем ничего... – Она вытащила из пачки сигарету, Матвей чиркнул спичкой.

– Значит, кабанчика забили.

– Какого кабанчика? – поперхнувшись дымом, закашлялась Элеонора.

– Ну, с бизнесмена можно взять по частям, а можно все сразу. Вкладываешь в него свои деньги, раскармливаешь его, а потом – раз, и нет кабанчика...

– Вкладываешь свои деньги... – вздохнула Элеонора. – Калуга вложил. И нет кабанчика...

– Что у тебя было?

– Отель. Большой отель, не какая-то там шелуха... Почему было? Есть отель. И я права на него имею. Только мне работать не дают... Обратилась в суд, наняла адвоката...

– И что?

– Адвокат все понимает, – усмехнулась она, – и даже обнадеживает. Можно, говорит, оспорить решение суда, продажу долгов и процедуру банкротства признать незаконной, тогда все вернется на круги своя.

– Так в чем же дело?

– Гладко было на бумаге, да забыли про овраги. Адвокат работает, но у него ничего не получается. Он ощущает противодействие на всех уровнях. Старается, но... Я деньги ему подвезла, а он отказался от них, сказал, что ничего не сделал...

– Найми другого адвоката.

– Так и ему палки в колеса вставлять начнут... Этот хоть честный, лишние деньги не взял. А другой и деньги возьмет, и ничего не сделает... Это все Калуга. Он за всем за этим стоит. Со всех сторон обложил, каждый мой шаг блокирует.

Элеонора осознавала всю сложность своего положения, и это ее убивало.

Калужных получил свои деньги, на этом его непосредственное участие в деле закончилось. Но Элеонора ощущала его присутствие в каждом действии, направленном против нее. Он и на руководство «Делинвест-банка» надавил, и на суд, который вынес несуразное решение об аресте имущества, и на юридическую фирму, куда обратилась Элеонора.

Она может нанять сотню адвокатов, но все они рано или поздно попадут под влияние Калуги... Может, и ее нынешний адвокат уже попал под пресс. Может, он вообще ничего не делает, чтобы спасти положение. Столько времени провозился, а воз и ныне там. А честного из себя строит для отвода глаз.

А если вдруг она и наймет адвоката, который сможет пойти наперекор бандитам, Калуга надавит на суд. Он может платить судьям деньгами, который приносит ее, Элеонора, бизнес. Ее деньги будут работать против нее самой. И как это все называется?

– Не знаю, кто такой Калуга, но взялись за тебя плотно, – в раздумье покачал головой Матвей.

Только сейчас она поняла, что к ней обращаются на «ты», но махнула на это рукой.

– Да уж... Отель работает, приносит прибыль, а я даже близко к нему не могу подойти.

– Почему?

– Новый директор сменил охрану...

– И что, твоя охрана взяла и так просто сдалась?

– Моя охрана? – горько усмехнулась Элеонора. – Им только деньги нужны. Они за деньги работали, а не ради меня. Им денег дали, они и ушли. А может, на другой объект перевели...

– Нельзя так. Охрана должна быть преданной, тогда это охрана. А у тебя фуфло было, а не охрана! – с упреком глянул на нее Матвей. Казалось, ее история тронула его за живое.

– Ну, фуфло, никто не спорит...

– И адвокат свой должен быть, такой, чтобы в огонь за тебя и в воду...

– Кто ж знал, что так будет. Думала, заплатила, и все...

– В таких делах головой думать надо.

– Что?! – вскинулась Элеонора, но тут же сникла.

Все правильно, головой она не думала. Пустила дело на самотек и жила в свое удовольствие. Службу безопасности организовал Дима. Может, Ремезов и был предан ему, но Элеонора для него никто, всего лишь работодатель, поэтому и сдал он ее Калуге без всякого сопротивления. Ни охраны у нее, ни людей, которые могли бы оказывать силовое и юридическое противодействие. По всем направлениям «обул» ее Калуга. Знал, что ничем она не сможет ответить ему, потому и сделал ее, как дуру последнюю...

– «Крыша» есть? – спросил Матвей.

– Есть.

– Так в чем проблема? Или это «крыша» на тебя навалилась?

– Да нет, – усмехнулась она. – Но, возможно, они в сговоре...

Она звонила человеку, которому отстегивала за покровительство, и получила исчерпывающий ответ. В разборки между акционерами менты вмешиваться не собирались. И напрасно она старалась объяснить, что это типичный бандитский наезд, никто ее и слушать не хотел.

Возможно, Калуга договорился и с руповцами, пообещав им повышенный процент от прибыли. Он такой, он все мог.

– А отыграть через суд? Дохлый номер?

– Ну, не совсем. Только играть некому. Да и куплено там все.

– А ты перекупи.

– Уже перекупила! В долги влезла, чтобы акции перекупить. Этими долгами меня и пришибли. И долги выплатить нечем, и дело до банкротства доведут. Тогда отель отойдет к Калуге за долги, и я уже ничего не смогу сделать. И еще буду ему должна. Без дома останусь, без квартиры, хорошо, если велосипед оставят...

– Зачем тебе велосипед? – усмехнулся Матвей.

– На дачу ездить! Если и дачу не отберут...

– Да уж, попала ты, Элеонора Викторовна.

– Где-то я уже это слышала... – хмыкнула она.

– От кого?

– Все-то ты хочешь знать!

В ответ Матвей пожал плечами. Действительно, зачем ему лезть не в свои дела.

– Чай еще будете? – сухо спросил он. – Или поедете?

– А ты меня гонишь?

– Из вашего дома? Нет. Я не настолько наглый.

– А насколько наглый?

– В пределах разумного...

– И Калужных был наглым в пределах разумного, а потом разошелся... Кто сказал, что я попала? Жених мой сказал. Сначала предложение мне сделал, потом сказал, чтобы я акции у Калуги выкупила.

Элеонора вынула из сумочки телефон, набрала номер Альберта.

Глава 5

Любовь любовью, а долг долгом. Любила Элеонора Диму или нет, но траур почти выдержала. Почти – это десять месяцев. Ни разу и ни с кем за это время. А потом появился Альберт, и понеслась чума по кочкам...

Она познакомилась с ним полгода назад, совершенно случайно. Вряд ли Альберт был человеком Калужных, но бандиты могли перетянуть его на свою сторону потом. Как-то странно все получилось – сначала появился Калуга с предложением собрать акционеров, а потом Альберт устроил сеанс стриптиза. Он же и посоветовал Элеоноре выкупить акции...

– Привет, дорогая! – послышалось в трубке.

– Альберт, я уже в загсе, подъезжай, – весело сказала она.

– В загсе?! В каком загсе?

– В таком, где расписывают. Я уже договорилась, нас ждут. Паспорт не забудь.

– Ты это серьезно?

– А разве ты не делал мне предложение?

– Ну, делал... Но должна быть свадьба...

– А если у меня денег нет на свадьбу? Ты же знаешь, что я банкрот...

– Это что, шутка такая?

– Что шутка? То, что я банкрот?

– Нет, что нас прямо сейчас и распишут. Где ты?

– Значит, то, что я банкрот – это не шутка? Тебе Калуга это сказал?

– Какой Калуга? Что ты несешь?

– Да пошел ты! – Элеонора отключила телефон и отбросила его на диван. – Козел! – вырвалось у нее.

Матвей смотрел на нее молча и невозмутимо. А она ждала от него вопросов, ей нужно было выговориться.

– Не хочет жениться, – ухмыльнулась Элеонора, нервным движением вынимая сигарету из пачки. – Все, я банкрот! Зачем я ему такая? Хотя нет, я ему нужна. Но только для того, чтобы докладывать Калуге, что я делаю, к кому обратилась... Я их всех, козлов, на чистую воду вывела! И Альберта, и водителя, который телохранитель. И тот за мной следил, и этот...

Водителя к ней приставил Ремезов, и одно это поставило на нем крест. Вдруг Валера работал на Калугу?

– Водитель еще и убить мог, – вслух подумала она. – Подкрутит, чтобы подушка безопасности не раскрылась, и в дерево. Сам живой, а я в кашу...

– А я? – неожиданно спросил Матвей.

– Что ты? – встрепелась Элеонора.

– И я следить могу, и убить...

– Ты?!

– А вдруг я тоже подставной?

Элеонора нахмурилась. Может, действительно не было никаких грабителей, были актеры погорелого театра, которые разыграли перед ней спектакль? Матвей лихо расправился со злодеями, а Элеонора в знак благодарности приблизила его к себе.

– Ты?! – прыснула она.

Это же смешно, устраивать героическую постановку с участием вонючего бомжа. Только полный идиот мог подумать, что Элеонора поведется на такую разводку. Если бы ее не глюкнуло, Матвей пролетел бы как фанера над Парижем. В лучшем случае сунула бы ему тысячу в знак благодарности, на этом все их отношения и закончились бы.

– А вдруг?

– Ну, и какой от тебя толк? Я совершенно случайно заехала сюда. Не должно меня здесь быть.

– Но ты же здесь. – Матвей так пристально смотрел на нее, что ей стало жутко.

– Но ты же не подставной?

– Нет, я реально с самого дна. И спасибо, что ты меня оттуда вытащила.

Его слова звучали утешительно, но взгляд не изменился. Это и пугало.

– А вытащила?

– Ты дала мне шанс почувствовать себя человеком. Я этим шансом воспользовался. – Взгляд его потеплел, но голос оставался таким же пугающе монотонным.

– А что дальше?

– Не знаю... Если выгонишь, буду на жизнь зарабатывать. Это не трудно. Огород вскопать – сотка за сотку, тысяча в день. А работы много...

– Пока лето.

– А ты что-то предлагаешь?

– Я предлагаю?! – удивилась Элеонора.

– Правильно, не надо ничего предлагать. Дела нужно предлагать тем, кого хорошо знаешь, в ком уверен.

– А ты не дурак, – задумчиво протянула она.

– Я тоже так думал, а в суп попал, – усмехнулся Матвей.

– В зону?

– Нет, в тюрьму. Я в тюрьме срок отбывал.

– А есть разница?

– Есть, но ты не заморачивайся.

– А попал за бандитизм?

– Попал. За участие в преступном сообществе. Это не бандитизм, хотя рядом.

– Но был бандитом?

– Был.

– А кем ты был, ну, в своей банде?

– Пехотой... И в армии пехота, и в банде пехота.

– На бизнесменов наезжали?

– Что было, то прошло.

– Ну, для кого-то прошло, а для кого-то продолжается.

– У каждого свой путь.

– Ну да, и Калуга идет по этому пути. Он идет, а меня на обочину.

– Ничего, все уладится.

– Как?

– Как-нибудь.

– Как-нибудь уже было... Может, ты pomoжешь мне? Хотя бы подскажи, что делать...

Матвей поднялся, забрал пустые кружки, ушел на кухню.

Элеонора позвонила сыну, поговорила с ним. Он уже поправился, завтра его собирались выписывать, и это напрягало. Она чувствовала, что нельзя Саше домой, в больнице будет безопасней. Хотя и это не панацея...

Как же ей сейчас нужен человек, на которого можно было бы положиться. Как же хотелось отмотать время назад хотя бы на год. Она бы нашла такого человека, доверила бы ему службу безопасности, которая не подвела бы ее в час испытаний. А еще лучше вернуть то время, когда она была с Димой. Он бы себя в обиду не дал. И с Калугой бы разобрался по-мужски. И Альберту бы досталось...

Из кухни донесся запах жареной молодой картошки. Не зря же Матвей копал картофель. Сначала посадил, а потом выкопал... Хозяйственный он мужчина, основательный. И очень интересный...

Элеонора и сама не поняла, как оказалось на маленькой кухоньке, за крохотным столом. Когда-то она сама здесь готовила. Все такое знакомое, все такое родное. Только Матвей чужой. Но инородным телом его уже не назовешь. Хотела она того или нет, но ей нужен был этот человек.

– Я так понимаю, ты не замужем? – спросил он, помешивая в сковородке.

– Нет. Муж умер, я осталась за него.

– Дети есть?

– Сын.

– Где он?

– В больнице. Завтра выписывают.

– Калуга знает, в какой он больнице?

– Не знаю... Если мой водитель работает на него, то вполне возможно... Я только что Саше звонила, нормально с ним все...

– Кто такой Альберт? Твой любовник? Думаешь, он работает на Калугу?

– Не знаю, но может быть...

– Не надо было ему предъявлять, – покачал головой Матвей. – Если они заодно, ты спутала их планы. Они держали тебя под наблюдением, знали каждый твой шаг. А так – ты вышла из-под контроля и становишься опасной... Если тебя вдруг сейчас не станет, Калуга сможет удержать твой отель?

– Да... Думаешь, он может меня убить?

– Все зависит от степени его отморозенности. Возможно, ему достаточно будет похитить твоего сына. Тебе надо ехать за ним. Прямо сейчас ехать. Если хочешь, я могу поехать с тобой.

Элеонора критически посмотрела на Матвея. Он уже не похож на бомжа, но и до приличного вида ему далеко. Эти майка, шорты... Вряд ли у него есть что-то другое, более приличное.

Время для посещений закончено, проход в хирургию закрыт, да и врача нет, который мог бы выписать Сашку. Но Элеоноре все равно.

– Мне нужно забрать своего ребенка! – Она сунула охраннику стодолларовую купюру.

Дедушка старый, зарплата у него маленькая, пенсия наверняка еще меньше, а тут такие деньги. Он даже сглотнул, рассматривая купюру.

– Забрать?

– У меня проблемы, угрожают и мне, и моему ребенку.

– Ну, если это ваш ребенок... Какая палата?

– Семнадцатая.

– Как зовут?

– Он там один лежит! Саша его зовут!

– Так забрали уже... – Превозмогая себя, охранник протянул Элеоноре купюру.

– Как забрали?!

– Ну, врач приезжал, вроде из платной клиники, там, сказал, вашего Сашу досматривать будут...

– Когда? – Элеонора схватила за голову.

– А вы разве не встретились? – Охранник кивком головы показал на лестницу. – Может, вы пешком, а они на лифте? Или наоборот.

Элеонора его уже не слушала, стремглав спустилась по лестнице, выскочила на площадку перед входом.

Сначала она услышала крик своего сына, затем увидела его самого. Матвей вытаскивал его из черной «Шкоды», а он упирался, визжал, дрыгал ногами.

– Пусти! Пусти!

– Ты что делаешь? – Элеонора подбежала к нему, вырвала ребенка.

– Мама, мама! – Сашка лягушкой запрыгнул на нее, обнял и руками, и ногами. – Дядька плохой! Дядька доктора ударил! Дядька пистолет у него забрал!

«Доктор» сидел за рулем «Шкоды», лбом упираясь в руль. Белый халат на нем, шапочка того же цвета. Элеонора увидела это через приоткрытую дверь.

И пистолет она увидела. Он торчал у Матвея за поясом.

– Что здесь происходит?

– В машину давай, в машину! – Матвей схватил ее за руку, потащил к серебристому внедорожнику.

– Мама, прогони дядьку, он плохой! – визжал Сашка.

Элеонора мотнула головой. Было бы глупо прогонять человека, который спас ее сына.

Она посадила Сашку на заднее сиденье и велела Матвею занять место рядом с ним. Мало ли, вдруг малыш сдуру захочет выпрыгнуть из машины? Вдруг он сможет открыть заблокированную дверь?

– Мама, я же сказал, прогони дядьку!

– Не сейчас, родной! Не сейчас!

Элеонора сорвала «БМВ» с места, резко развернулась, чуть не сбив случайного прохожего, и под его проклятия выехала с территории больницы. Она заплатила охраннику на контрольно-пропускном пункте, когда въезжала во двор, поэтому он поднял шлагбаум, не задавая вопросов.

– Мама, мама, у дядьки пистолет! – орал Сашка.

– Хороший пистолет, «стечкин», – сказал Матвей. – У нас в Чечне такие стволы очень уважали, только достать было трудно. А у этих есть. Серьезные люди...

– Как ты Сашку узнал? – спросила Элеонора.

– Да не узнал... Смотрю, мужик мальчишку ведет. Вроде бы врач, а машина обычная. Если с работы домой едет, то почему халат не снял? Я подошел к машине, спросил у доктора, как ребенка зовут. Он меня посылать стал, локтем хотел ударить. Хотел, да не смог. А я смог. Обыскал, ствол забрал, документы...

– Ты его убил?

– Да нет, будет жить.

– Ограбил?

– Ну, деньги тут есть... Я их ему потом верну, при личной встрече... Полухин Артем Борисович, семьдесят второго года рождения, место рождения город Волгоград. Права здесь, в Москве выданы... Паспорта нет, только права. И техпаспорт на машину. А там тоже без адреса...

– Мама, выгони этого плохого дядьку! – взвизгнул Сашка.

– Это не плохой дядька. Это наш хороший друг. Бандиты тебя похитить хотели, а он тебя спас.

– Бандиты? А врачи – это бандиты?

– Не все, но есть и бандиты, – вспомнив анестезиолога, ответила Элеонора.

– Мама, а мы домой едем? Я хочу домой!

– Домой? Да нет, домой нам ехать нельзя, – покачала она головой.

– Почему? – спросил Матвей.

– Как это почему? Калуга совсем с катушек съехал! Он своих головорезов к нам пошлет!

– А куда не пошлет?

– На дачу поедем!

– А он про дачу не знает?

Элеонора прикусила губу. Калуга мог знать про нее все. Прежде чем наехать на «Гранд Хаус», он основательно подготовился, поэтому смог загнать ее в угол. Осталось только добить, поэтому он и собирался похитить Сашку. Мошенничество, фальсификация, подкуп и шантаж – это оружие базировалось на грубой физической силе, которой располагал Калуга.

– Бегство – это не выход. Бегство – это сейчас то, на что надеются твои враги, – заметил Матвей.

– И что делать?

– У тебя есть деньги?

– Ну, есть... Не очень много, но есть...

Бухгалтерия отеля для нее закрыта, банковские счета заблокированы, но еще имеется наличность в сейфе загородного дома. Если, конечно, дом не захвачен...

Глава 6

Рублевка, богатый дом на берегу реки. Большой, красивый, с эркерами и террасами, с пристройкой для бассейна. Сосны во дворе, английские газоны, мощеная дорожка, ведущая к пруду. За хозблоком в собачьем вольере беснуются мощные азиатские овчарки. Снимая охрану, нужно было спустить собак с цепи, но этого, к счастью, не сделали, поэтому Матвей мог спокойно обследовать двор.

И в дом он зашел. Элеонора дала ему ключи и сказала, как снять охранную сигнализацию. Но нет, дом на охране не стоял. Лампочки на пульте сигнализации даже не мигали.

Дом роскошный как изнутри, так и снаружи. Дорогой ремонт в супермодном стиле, элитная мебель, чувствовался полет дизайнерской мысли по комфортным внутренним просторам...

Такой же превосходный дом имел и Ферзь, главарь банды, в которую угораздило попасть Матвея. Из этого дома его и забрали менты, раненого, бесчувственного. Ферзь конкретно попал в переplet, с одной стороны на него давили менты, а с другой дожимали бандиты Шихана. Он заперся в доме с остатками своей бригады, Шихан попытался взять его штурмом. В комнату, где находился Матвей, влетела граната. Больше он ничего не помнит. Очнулся уже в тюремной больнице...

Он даже выстрелить тогда не успел, но оружие при нем нашли, поэтому и пришили ему всего лишь участие в преступном сообществе, хотя собирались судить за бандитизм... В общем, свои шесть лет он получил.

А мог бы сесть и за убийство. Если бы уложил кого-нибудь из шихановских. А он мог, потому что стрелял очень хорошо. Именно за это его в бригаду и взяли. Каким же он был тогда дураком, даже вспоминать об этом неохота. Сам себе жизнь сломал. И хорошо, что нашлась женщина, которая протянула ему руку помощи. Он выбрался из трясины, но почва под ногами болотистая, шаткая, как бы снова не провалиться...

Он осмотрел дом, вышел со двора, добрался до машины, где ждала Элеонора. Она сидела на заднем сиденье, обняв своего сына, голубоглазого малыша с нежными светлыми кудряшками на голове.

Некто Калуга и его люди не знали Матвея в лицо, именно поэтому он и отправился на разведку. Он мог сунуться в дом наобум, а Элеонора – нет. И ребенок у нее, и сама по себе она слабая женщина. И глупая, хотя пытается изображать из себя умную бизнес-леди.

– Ну, что там? – взволнованно спросила она.

– Пока ничего. Совсем ничего. Ни охраны, ни засады.

Система охраны продумана была неплохо. И сторожка у ворот, и видеокамеры, простреливающие подступы к дому. И еще просматривалось пространство перед воротами и забором, который выходил на реку. И связь с частной охранной фирмой имелась. Только вот ничего из этого не работало.

На охранную фирму и рассчитывать нечего. Если ее руководство убрало пост возле дома, то на него, скорее всего, повлияли извне. Тот же Калуга это и сделал. Или денег предложил, или запугал, а может быть, и то и другое...

Надо бы разобраться с этой фирмой. Наверняка она охраняет все дома в этом районе, а это большие деньги. Если фирма прогнулась перед внешней силой, то зачем она, такая, здесь нужна? Соседи Элеоноры вопрос этот и поднимают. Но сейчас не до этого...

– И что делать?

– У тебя есть знакомый в милиции?

– Ну, я же тебе говорила про «крышу». Есть там человек...

– Позвони ему, скажи, чтобы наряд милиции возле дома выставили.

– А если он в сговоре с Калугой?

– Калуга и так узнает, что ты здесь, а наряд милиции нам не помешает.

– А если он сам на нас и нападет?

– Не нападет. Пусть твой человек свяжется с местным РОВД и организует людей оттуда. Экипаж патрульно-постовой службы вполне подойдет. Так, чтобы он на улице перед домом встал. Во двор впускать не надо, там собаки будут. А деньги ты на месте заплатишь... Правда, собаки не панацея, даже если они страшные, – покачал головой Матвей.

Ферзь тоже надеялся на собак. Пацаны находились в доме, а волкодавы бегали по двору, но это не помешало шихановским выйти на исходные позиции для штурма. Собак просто-напросто пристрелили. «Узи» с глушителем – сильная вещь...

– Двор – это внутренний периметр охраны, а за воротами внешний. С двух сторон от тебя соседи, наверняка крутые...

– Ну да, крутые... – кивнула Элеонора.

– Еще бы выход к реке закрыть... Хотя там камеры... Да нормально все будет, если милицкий пост установим. С милицией Калуга связываться не станет, – подмигнул Матвей засыпающему Сашке.

– Ну да, милиция – это хорошо...

Элеонора вздохнула, пересела за руль, достала из сумочки телефон.

– Про сына ничего не говори, – сказал Матвей. – Для тебя он в больнице, ты ничего не знаешь...

Она кивнула, набрала номер.

– Олег Васильевич, здравствуйте! Это Севастьянова... Да, «Гранд Хаус»... – Голос ее звучал если не жалко, то близко к тому. Будь на ее месте мужчина, Матвей скривился бы от презрения. – Представляете, у меня с дома охрану сняли! Я же говорила вам, что это какой-то заговор против меня... Ну да, это наш внутренний конфликт, все решим через суд. Олег Васильевич, мне бы охрану в дом. Наряд милиции. Ну, экипаж патрульно-постовой службы... Пусть они возле дома постоят, а то собаки во дворе. Я понимаю, что не бесплатно... Вам не надо, им отдать? Хорошо... Спасибо вам большое...

Элеонора выключила телефон и только тогда зло стиснула зубы. Все, разговор закончен, теперь можно выразить свое истинное отношение к собеседнику. Только вот злость эта от беспомощности...

– А дом кто будет охранять? – спросила она, включая скорость.

– Я.

Пистолет у Матвея был, глаза видят, уши слышат, руки-ноги целые. Если кто вдруг заберется в дом, он примет меры. И в рукопашном бою он кое-чего стоит, и в огневом не теряется...

– Ну, поехали, – совсем невесело сказала Элеонора.

Она вынуждена была довериться Матвею, но сомнения на его счет оставались. Только переживает она зря. Матвей сам по себе, и работает только на себя и на нее. С недавних пор работает...

Детдомовский он, родителей нет, братьев и сестер тоже. И дома у него нет. Хотя был. И жена была...

Биография у него простая: детдом, профтехучилище, мебельная фабрика. Жил в общежитии, перед самой армией познакомился с юной красавицей. Он и не надеялся, что Рита будет ждать его. А она ждала. Потом и замуж за него вышла. Им бы жить-поживать, да вяпался он в историю. Денег легких захотел – ради своей красавицы жены. И зарабатывал хорошо – квартиру купил, обстановку, машину. Но какой ценой все это ему досталось...

Затем – тюрьма. Он так надеялся, что Рита дождется его, но не судьба. Развелась она, вышла замуж за какого-то очкарика.

Надо было видеть ее глаза, когда Матвей вернулся. Рита смотрела на него, как на какое-то чудовище, которое могло убить и ее, и очкарика. Но он не стал этого делать. От самого себя вдруг стало тошно...

Банда Ферзя уже давно канула в Лету, но у Матвея был один адресок. Он пришел к авторитету, которому его рекомендовал один очень уважаемый человек, и получил предложение. Нужно было грохнуть одного деятеля. Все, больше от него ничего не требовалось. А убивать он больше не хотел...

Матвей сбежал тогда и от авторитета, и от самого себя. Сбежал и запил горькую. Все деньги на водку спустил, а остановиться уже не мог. И до такой степени опустился, что лучше не вспоминать. Он даже в тюрьме старался следить за собой, а на воле вдруг в черта превратился. Так бы и тонул дальше, если бы не Элеонора...

Эта женщина очень помогла ему. И теперь он просто обязан отблагодарить ее за это.

Они заехали во двор, поставили машину в гараж, прошли в дом и заперлись на все замки. Элеонора предложила выпустить во двор собак, но Матвей удержал ее и, провожая взглядом Сашку, который бежал по лестнице на второй этаж, в свою комнату, по которой соскучился, спросил:

– А с ментами расплатиться? Ты сама к ним выйдешь?

– Ну, могу и сама...

– А если это засланные? Что ты сделаешь?

– Ты меня пугаешь.

– А я сделаю... Во всяком случае, у меня будут шансы...

– Не будет, – усмехнулась Элеонора. – В таком виде они примут тебя за бродягу... Знаешь, Дима был примерно такой же комплекции, как и ты. Я сейчас, – и она вслед за сыном поднялась наверх.

Матвей обошел первый этаж, останавливаясь возле каждого окна, чтобы держать под наблюдением двор. В конце концов он оказался на кухне, из окна которой хорошо видны были ворота. Вскоре вернулась Элеонора.

– Примерь!

Она подала ему тенниску, джемпер и джинсы. Все фирменное, качественное, хотя и побывавшее в употреблении.

Джинсы оказались немного тесноватыми, но это пустяк. В принципе они такими и должны быть. К тому же после стирки они немного сели, но скоро растянутся, и будет в самый раз.

– Вот и приоделся, – с одобрением глядя на него, сказала Элеонора. – Теперь не стыдно ментам показаться...

– Это все хорошо. Только видеокамеры на сторожку выходят, там мониторы наблюдения. А здесь ничего такого, так что придется в сторожку перебраться.

– Ну, можно и так. Там у нас все условия. Душ, туалет... Подожди, как в сторожку! А здесь кто будет нас охранять?

– Если собак спустить, я к вам сюда не доберусь, – вслух подумал Матвей. – Собаки меня не знают...

– Ну, я вас познакомлю, они у меня умные... А камеры и сюда выводятся! Ну да, выводятся! Как я сразу не сообразила! – обрадовалась Элеонора.

Она провела его в холл, где напротив дивана из мягкой рыжей кожи стоял большой плоский телевизор серебристого цвета. Включив его с пульта, вывела на экран изображение с камеры видеонаблюдения. Затем взяла другой пульт, нажала на кнопку, и большой экран разлиновался на множество маленьких.

Матвей взял пульт, сел на диван, прошелся по всем камерам и сказал:

– Работаем.

– С собаками знакомиться будем? – спросила Элеонора.

– Если ты рассчитываешь только на меня, то зря, – покачал головой Матвей. – Сам я не справлюсь, мне люди нужны. Пусть это будут обычные охранники, из обычной охранной фирмы...

– А есть и необычные охранники?

– Есть и необычные. Которые ради своего босса готовы на все.

– На убийство, например?

– Это хорошо, что ты все понимаешь. Плохо, что ничего не делаешь. Тебя взяли на самом простом, на охране. Теперь тебя делают на юридическом уровне. И сделают...

– А ты мог бы убить Калугу? – спросила вдруг Элеонора.

Матвей промолчал. Он не хотел убивать, но, если вдруг, рука у него не дрогнет. Но нужно ли доводить дело до греха, вот в чем вопрос? Может, с Калугой получится договориться?

Глава 7

Ночь – пособник темных сил. Все злодеяния происходят ночью. Все грубые злодеяния, когда убивают, насилуют, грабят. А утонченные злодеяния проворачиваются через офисы, кабинеты, суды и прочие прокуратуры. Но с тонкостями Калужных уже разобрался, пришла очередь грубой силы. И эта сила запросто может выскочить из ночи, как черт из мешка. Выско-чит, набросится на Элеонору. Она понимает это, поэтому и не спит.

Пытается заснуть, но все без толку.

Элеонора поднялась с постели, накинула халат поверх пеньюара, плотно запахла и вышла из спальни.

Матвей тоже не спал. Он сидел перед телевизором, монотонно перелистывал странички с видеокamer и, казалось, не заметил, как она тихонько спустилась с лестницы и бесшумно подошла к нему. Но когда она остановилась, спросил:

– Не спится?

– А тебе?

– Я на посту. На посту спать нельзя. Убить могут.

– Бандиты?

– И бандиты могут убить. И свои. Если поймают. Сон на посту – это предательство, – не отрывая глаз от экрана, говорил он. – Это не шутка.

– Но я же тебя не убью.

– Все равно предательство...

Элеонора кивнула. Ей нравился ход его мысли. И как он действовал, нравилось. Он и с ментами разобрался, которые подъехали охранять дом. И с охранной фирмой уже договорился. Она сама нашла через Интернет несколько вариантов, он выбрал, на их общий взгляд, лучший, позвонил на фирму, провентилировать вопрос.

А оплатить охранные услуги Элеонора могла. Двести пятьдесят тысяч из потайного сейфа никуда не делись... Жаль, если это будут последние деньги, которыми она сможет распоряжаться по своему личному усмотрению...

У ворот стоял экипаж патрульно-постовой службы, по двору бегали собаки, у телевизора сидел Матвей. Вроде бы все под контролем, но на душе все равно беспокойно. До завтра они доживут, а дальше что? Ну, наймут они охрану, и что это даст? Вопросов масса, и они роятся в голове, как осы, лишая покоя.

– Твой муж правильно все продумал, – продолжал Матвей. – И система видеонаблюдения, и «азиаты», и личная охрана. И в отеле у него, думаю, все было под контролем... Хочешь, угадаю, кто все это развалил?

– Давай не будем пинать вчерашний день? – поморщилась Элеонора.

– Твой вчерашний день в настоящем.

– Ты должен что-то придумать.

– Если должен, то придумаю... Это что у нас здесь такое?

На экран транслировалось изображение с камеры, установленной на воротах. К мили-цейскому «уазику» подъехала знакомая иномарка, из которой выходил Альберт.

Элеонора глянула на часы. Половина третьего ночи. Может, он решил заглянуть к ней на огонек после ночного клуба? Но почему не позвонил, не предупредил?

– Что-то, – кивнула она. – Альберт это.

– Почему так поздно?

– И без предупреждения... Самой хотелось бы знать почему.

К Альберту вышел кто-то из «уазика», стал что-то говорить ему. Он вскинул правую руку, глянул на часы, затем пошел к калитке и нажал на клавишу звонка.

– Пусть проваливает? – спросила Элеонора.

– А тебе не интересно знать, зачем он пришел? Он же неспроста подъехал.

– Неспроста... Ну, хорошо...

Она вышла во двор, сказала ментам, чтобы они пропустили Альберта.

Он уже бывал в этом доме, «азиаты» худо-бедно знали его, и все равно бросились к нему, когда он проходил через двор. Элеонора грозно крикнула, и они отстали. Но вид у Альберта был бледный.

– Ужас! – выпалил он, когда за ними закрылась дверь.

От него тянуло алкоголем, и глазки пьяные.

– Зачем приехал?

– На тебя посмотреть! Ты какую-то дичь несла, я так ничего и не понял! Послала меня зачем-то! – Альберт разулся и из прихожей прошел в холл.

– Почему не позвонил? – спросила она.

– Да мобила подсела... А это кто такой? – Альберт во все глаза смотрел на Матвея, который, казалось, никак не реагировал на него.

– Охрана это.

– Охрана?! Ну, может быть... У тебя что-то произошло?

– Ну, есть проблемы...

– Сашка где?

– Спит.

– С ним все в порядке?

– А что с ним может быть не в порядке? – неожиданно заговорил Матвей.

Отбросив пульт, он быстро поднялся с дивана, подошел к Альберту, вроде бы собираясь протянуть ему руку для знакомства, но вместо этого ударил кулаком в солнечное сплетение.

Альберт тихонько хрюкнул, закатил глаза и мешком рухнул на пол. Матвей, воспользовавшись моментом, обыскал его, затем раздел чуть ли не догола и тщательно ощупал пиджак, брюки, рубашку.

– Незаразный, жучков нет. Будем говорить.

Он привел Альберта в чувство и велел одеваться.

– Что это все значит? – взвыл тот.

Матвей ударил его ладонями по ушам и закрыл ему рот.

– Тише, мужик, ребенок спит... Одевайся давай.

– Элен, может, ты мне объяснишь, что происходит? – воззвал к ней Альберт, но Элеонора стояла в сторонке, не собираясь вмешиваться.

– Зачем ты пришел? – спросил Матвей.

– Слушай, ты кто такой?

Матвей снова ударил Альберта по ушам, на этот раз гораздо сильнее прежнего. И пока тот приходил в себя, достал пистолет, вынул из него обойму, выщелкнул патрон и спросил:

– Почему с Сашкой должно было что-то произойти?

– Ну, я просто сказал... – в ужасе смотрел на него Альберт.

Матвей ударил его в шею, уложил на спину. Одной рукой взял его за горло, а другой – воткнул патрон прямо в пупок.

– Кто тебя сюда прислал?

– Нет... Не надо... – Альберт конвульсивно дергал ногами.

– Почему у Элеоноры не должно быть охраны?

– Почему не должно быть? Должно!

– Элеонора Викторовна, если не трудно, принесите что-нибудь поострее, – попросил Матвей.

– Я скажу! Я все скажу! – завизжал Альберт.

Элеонора презрительно усмехнулась и протянула Матвею пилку для ногтей с заостренным концом.

- Зачем ты приехал?
- Ну, посмотреть, как здесь дела...
- Кому надо, чтобы ты посмотрел?
- Ну-у... Калужных попросил...
- Замечательно!

Матвей влепил ему пощечину, вставил патрон в обойму, которую тут же загнал в рукоять пистолета.

- Не надо! – Альберт с ужасом смотрел на него.
- Одевайся.
- З-зачем!
- В гроб одетых кладут!
- Не надо в гроб!
- Давно на Калугу работаешь? – наконец заговорила Элеонора.
- Ну, не очень...
- До меня или после?
- После... Он подъехал, сказал, что есть деловое предложение... Я сначала отказался, а он... – Альберт отвел в сторону взгляд.
- Что он?
- Ну, там косяк за мной был... Они сказали, что раздуют это дело... В общем, я согласился.

- Что за косяк? – спросил Матвей, забирая у Элеоноры пилочку.
- Ну, там с одной бабой... Дело замяли, но его можно было раздуть. А Калужных мог. И в тюрьме бы со мной такое сделали!
- Изнасиловал кого-то?
- Ну, не совсем...
- Ну ты и мразь! – презрительно выкрикнула Элеонора. – Я с тобой как с человеком, а ты, оказывается, гнида!

– Значит, принял ты предложение, от которого нельзя было отказываться? – криво усмехнулся Матвей. – Значит, стучал на Элеонору.

- И стучал, и советы дебильные давал, стриптизер хренов! – подсказала она.
- Когда с Калугой в последний раз разговаривал?
- Ну, он позвонил, сказал, что нужно к Элен съездить, – убито вздохнул Альберт.
- Про сына спросить?
- Ну, и про сына... И узнать, какая вожжа ей под хвост попала...
- Под хвост тебе попало, козел! – Элеонора не удержалась и пнула этого слизняка ногой.
- Что с сыном могло произойти? – спросил Матвей.
- Ну, Калуга сказал, что его могли похитить...
- Кто?
- Ну, он не уточнял... Меня в эти дела особо не посвящали, что скажут, то и говорю...
- В какие дела?
- Ну, с отелем... Рейдерский захват, все такое...
- Калуга такими захватами занимается?
- Выходит, что да. Очень выгодное дело. Берешь за миллион, продаешь за три... – подавленно пробормотал Альберт.
- Сволочь ты, Истомин! Какая же ты сволочь! – с ненавистью взглянула на него Элеонора.
- Чтобы продать за три, нужно еще купить за миллион... – заметил Матвей. – Какие шансы у Элеоноры?

– Ну, шансы есть, – кивнул Альберт. – Там одно решение суда об аресте имущества такая липа, что первокурсник с юридического его сломает.

– Но первокурсник еще должен довести дело до конца.

– Ну да. Тут у Элен шансов мало.

– Почему?

– Калуга тот еще волчара. Он умеет работать с людьми...

– Чтобы работать с людьми, на них нужно еще выйти.

– Да нет, здесь ситуация немного другая, – озлобленно процедила Элеонора. – Он порекомендовал мне адвоката, который работал на Калугу. Теперь понятно, почему этот урод морочит мне голову.

– Можно нанять другого адвоката, – предложил Матвей.

– А Калуга наедет на него, загонит в угол, заставит работать на себя.

– Значит, адвоката надо будет взять под охрану.

– Думаю, тут одним адвокатом не обойдешься, – покачала головой Элеонора.

Время упущено, и его нужно срочно наверстывать, для чего нужна не одна лошадь, а целая упряжка.

– Всех под охрану возьмем, – выразительно подмигнул ей Матвей. – Адвокатами займется группа Перелесова, суд возьмет на себя Рябоконь со своими ребятами. Здесь обойдемся без «мокрого», а с Калугой будем решать конкретно... Ну а с этим решим прямо сейчас. Река рядом, купальный сезон еще не закрыт. Прямо сейчас и утопим...

– Меня?! – Альберт икнул от страха.

– Ты даже ничего не почувствуешь... Что тебе больше нравится, виски, коньяк, водка? – в упор посмотрел на него Матвей.

– З-зачем в-виски?

– Тебя мама учила, что нельзя купаться в пьяном виде? Утонуть можно, причем насмерть.

Ты почему маму не слушаешь?

– Я... Я слушаю... Н-не надо водку!

– Коньяк?

– Н-не надо к-коньяк!

– А что надо?

– Н-ну, я з-знаю, как Э-э... Элен помочь... Элен, не убивайте, не надо!

Элеоноре стало тошно от умоляющего взгляда, которым взывал к ней Альберт.

– И чем ты мне поможешь?

– Ну-у... Ну, я передам Калуге все, что нужно сказать...

– Скажи, что Элеонора разбита и подавлена. Она не видит смысла идти до конца. Калуга на это рассчитывал?

– Ну, не сразу...

– А ребенка зачем хотел похитить?

– Шантажировать ее хотел. Элен должна была отказаться от отеля в обмен на Сашку!

– Значит, знал ты про шантаж, – кивнул Матвей. – А говоришь, не знал... Опасный ты тип. Ненадежный. Сегодня соловьем заливаешь, а завтра нас Калуге сдашь!

– Не сдам. Честное слово, не сдам! – Альберт приложил к груди сомкнутые ладони. Взгляд умоляющий, жалкий, униженный.

– Сдашь. Еще как сдашь... Ты же за тех, кто сильнее... – ухмыльнулся Матвей. – Какие расклады за Калугой?

– В смысле?

– Кто такой, с чем его едят? Мы и сами все пробьём, но сразу не получится. Кто он такой?

– Ну, бизнесмен...

– С криминальным уклоном?

- Ну, в общем, да...
- Мой банковский долг выкупила некая фирма «Реверс», – вмешалась Элеонора. – Какое отношение он имеет к этой фирме?
- Имеет. Но это пустышка...
- Я так и думала. Чем он занимается? Ну, помимо того, что владеет акциями «Гранд Хауса». Вернее, уже не владеет...
- Он владеет твоими долгами. И имеет твоих акционеров.
- С какой колокольни он их имеет? – спросил Матвей. – Что у него за фирма? Где у него офис? Где его можно найти?
- Ну, казино у него свое, я там бывал. Он говорил, что у этого казино выиграть может только он, потому что оно ему принадлежит... Как там на самом деле, какая у него там доля, я не знаю. Но охрана к нему как к своему боссу относится...
- Что за казино?
- «Стрит», это на Новом Арбате. Очень крутое казино, там охраны, как тараканов у меня в голове... И еще конкретные люди там бывают. Такие же конкретные, как и он сам...
- Воры, авторитеты?
- Ну, типа того.
- С кем он дружбу водит? С кем дела делает?
- Чего не знаю, того не знаю...
- Значит, «Стрит»?
- Очень крутое казино, – закивал Альберт. – И сам Калуга крутой...
- Страшно против него идти? Только честно?
- Ну, страшно...
- А придется... Я с тобой, мужик, церемониться не стану. Люди со мной работают серьезные, отмашку дам – и все, ты покойник. Понимаешь, о чем я говорю?
- Понимаю! – тряхнул головой Альберт.
- Ну, тогда скажешь Калуге, что Элеонора в полном ауте. Ребенок с ней, но она очень за него боится. И в принципе согласна на переговоры. Пока только в принципе. Ты меня понял?
- Да, конечно!
- Продолжая вымораживать Альберта взглядом, Матвей махнул рукой в сторону дверей. Дескать, свободен.
- Альберт от радости, казалось, готов был руки ему целовать. И даже ноги. Но это сейчас...
- Ты ему веришь? – с упреком посмотрела Элеонора на Матвея, когда Альберт покинул комнату.
- Ни на грамм, – с самым серьезным видом ответил он.
- Он обязательно расскажет все Калуге.
- Нисколько в этом не сомневаюсь... Он расскажет, а Калуга примет решение. И через Альберта донесет его до нас. Будем слушать этого урода и делать все наоборот...
- Кто такие Перелесов и Рябоконь?
- Никто и ничего. Но мы их создадим... Если ты намерена идти до конца... Нам нужна сила. А это не только люди, но и связи. Я знаю авторитетных людей в Москве, я мог бы с ними поговорить, возможно, они помогут решить нам вопрос.
- Авторитетные люди? Воры, бандиты? – озадаченно спросила Элеонора.
- Криминальный мир.
- И у тебя есть такие связи?
- Связи есть. А веса нет. Меня знают, но, если нет веса, со мной никаких дел не будет. А вес – это деньги и положение. Кто я такой? Никто. Но если стану начальником службы безопасности «Гранд Хауса», меня хотя бы выслушают.
- Ну, если это нужно для дела... – замялась Элеонора.

Как-то не думала она о том, чтобы поставить Матвея во главе службы безопасности. А что тут думать? Он был единственным человеком, который мог вытащить ее из болота. И если это сделает, ему можно будет довериться и в будущем. Пусть станет начальником службы безопасности. Если хочет, то пусть...

– Начальник есть, а где служба?

– Будет. Обязательно.

– Надеюсь.

– И деньги. Мне нужна конкретная сумма, на которую я могу рассчитывать. Конкретная сумма для конкретного случая... Если есть возможность договориться с Калугой по-тихому, то за эту возможность придется заплатить. Сама понимаешь, что никто ничего задаром не делает.

– Сколько?

– Не знаю. Пока не знаю... Сейчас знаю только то, что я тебя, Элеонора Викторовна, не обману.

– Верю... Хочу верить...

– Спокойной ночи!

Матвей сел на диван и с головой ушел в работу.

– Утро уже, – заметила Элеонора, но он даже ухом не повел.

Она поняла, что ей пора уходить.

Глава 8

Ничего в этой жизни не изменилось: и раньше криминальные авторитеты устраивали штаб-квартиры в кабаках, и сейчас все так же. Только раньше братва выставляла себя напоказ, а сейчас работа на публику не в моде, да и опасно это. Ментовские шуки в московском пруду не дремлют...

Матвей подъехал к ресторанчику на восточной окраине Москвы. На входе никого, в зале обычные посетители, бармен за стойкой с ленивым видом протирает бокалы. Тихо все, мирно, криминалом и не пахнет. Ну так Шекель не такой, чтобы высовываться. Это его кабак, он здесь бузы не потерпит, и по ночам здесь вряд ли случается поножовщина.

Матвей подошел к стойке и вперил взгляд в бородатого толстяка. Ему хватило нескольких секунд, чтобы бармен занервничал и понял, что игра в кошки-мышки не прокатит.

– А-а, это ты! – улыбнулся он.

– Узнал?

– Ну, честно скажу, это было не просто... Костюмчик, я смотрю, в цвет.

Матвей подходил к нему осенью прошлого года. Тогда он только освободился из тюрьмы, ни кола за душой, ни двора. И прикид, мягко говоря, оставлял желать лучшего. А сейчас он при делах, и костюмчик, что называется, сидит.

– Савелий Андреевич на месте?

– Ну-у...

– Дело конкретное, с подогревом, – свысока усмехнулся Матвей.

– Ну-у... Один момент!

Драться Матвею приходилось с раннего детства. В детдоме царил жестокий беспредел, и за свое право быть нормальным приходилось биться смертным боем. Ему было девять лет, когда появился новый воспитатель. Илья Павлович организовал секцию карате, установил в ней порядки, созвучные с восточной философией. И пацанов как подменили...

А в армии философия благородного духа и чистого сердца растворилась в крови – как в чужой, так и в своей. Матвей попал в самое пекло, и столько он там хлебнул, что тюрьма могла показаться раем. И стрелять приходилось, и в рукопашной биться, а сколько трупов за ним...

Но и в тюрьме оказалось совсем не просто. Он попал в камеру, где власть делили две противоборствующие группировки. Бандитские отморозки пытались задавить блатных, те сопротивлялись, но не очень удачно. Матвей к ворам не тяготел, но так вышло, что у него не осталось выбора. Он подписался за блатных. Пришлось помахать заточкой, и кровь он проливал. Не сказать, что это решило исход дела, но и его заслуга в общей победе была.

Герц тогда был жуликом, а сейчас он в законе, и Матвей с ним в очень хороших отношениях. За шесть лет через их камеру прошло много уважаемых людей. На корону Матвей не претендовал, к воровской власти не стремился, но люди знали его с хорошей стороны. И было к кому обратиться...

Герц до сих пор мотал срок, но слово многое значило и на воле. Шекель был перед ним в огромном долгу, поэтому принял Матвея как родного. Только работу предложил чересчур уж грязную... Шекель его не прогонял, Матвей сам ушел. Просто взял и ушел. И даже дверью не хлопнул...

Бармен скоро вернулся, он отвел Матвея в подсобное помещение, откуда они спустились в подвал. Там, в оборудованной под бар комнате Шекель его и ждал.

Он сидел за столом на угловом кожаном диване и сноровисто чистил воблу. Кружка пива перед ним, с одной стороны от нее лежала связка вяленой рыбы, а с другой – шелуха высокой горкой.

Большая лысая головы, крупные мясистые уши, борода как у басмача, на шее косынка, повязанная пионерским галстуком. Плечи мощные, но пивное пузо под черной с черепами майкой еще шире.

Сначала он прикончил тараньку, сделал несколько больших и смачных глотков пива, только тогда посмотрел на Матвея.

– Ну, чего стоишь как неродной? – И показал ему на место справа от себя, продолжая с интересом разглядывать Матвея. – Я смотрю, ты прибарахлился, Грач? Костюмчик фильдеперсовый.

Матвей мог только догадываться, чем конкретно занимался Шекель. Своя сфера влияния у него на востоке столицы, своя бригада, связи с московскими ворами, авторитетами. Об этом он знал. Но на чем конкретно Шекель делал деньги, этого ему никто не объяснял. Может, «крышевал» кого-то, возможно, занимался наркотой. Контрабанда, оружие, девочки, сбор и торговля криминальной информацией... Перечень возможных предприятий большой, и не исключено, что Шекель освоил его в полном объеме... Еще он мог заниматься заказными убийствами, у Матвея были основания так думать. Опасный человек этот Шекель; ну так Матвей знал, куда шел.

– Две тысячи баксов за клифт, – небрежно бросил он.

Элеонора подобрала ему самый лучший и дорогой костюм из гардероба мужа, который идеально сидел на Матвее.

– Нехило! Угощайся!

Бармен поставил на стол кружку с пивом, а Шекель сорвал со связки жирную воблу и подал Матвею.

– Где ж ты так скаканул?

– Это не скак, брат. Это бизнес, – серьезно проговорил Матвей. – На сто миллионов.

– Что за бизнес? – Шекель потянулся к сигаретам, Матвей достал из кармана золоченую зажигалку.

– Отель. В центре Москвы. Приблизительная стоимость – пятьдесят миллионов долларов.

– И каким ты боком к этому делу?

– Начальник службы безопасности, – оправив лацканы пиджака, без хвастовства ответил Матвей.

– О как! Лихо! – Шекель смотрел на него как на человека, с которым не просто можно, но и нужно иметь дело.

Дело, которое пахнет деньгами.

– Не все так просто, – чинно покачал головой Матвей.

– Ну, было бы просто, ты бы ко мне не подъехал. Что за проблемы?

– Человека одного надо пробить.

– Что за человек?

– Рейдер. Бандитских кровей.

– Рейдеры, рейдеры... Красиво звучит! Кто такой?

– Калужных Иван Семенович.

– Калуга?

– Ты его знаешь? – напрягся Матвей.

Вдруг по странному совпадению Шекель тащит «Гранд Хаус» в одной упряжке с Калугой? Если так, то Матвей сунул сейчас руку в осиное гнездо. Еще чуть-чуть – насмерть закусает...

– Ну, пересекались как-то. Лет пять назад...

– Дела с ним имеешь?

– Да нет, скользкий он... – покривился Шекель. Были у него причины так считать, и Матвей не прочь был бы о них узнать. Но это личные дела Шекеля, и лезть в них нельзя. Вот если он сам откроется, тогда другое дело. – Я с ним дел больше не имею.

– Чем он сейчас занимается? – Матвей осторожно достал из кармана пиджака конверт с деньгами, положил их на стол.

– Ну, точно не знаю. Но пробить можно, – кивнул Шекель, взяв деньги. – Три тысячи? – на глаз, но очень точно определил он.

– Это аванс.

– Еще семера, и нормаль... – сказал Шекель, бросив конверт на стол. – И только для тебя... Я тебе больше скажу: если бы я Герца не уважал, ты бы отсюда не ушел.

Его взгляд затяжелел, наэлектризовался, как воздух перед грозой, но Матвей ничем не выразил своего беспокойства. Если он взялся за дело, то никакие громы и молнии напугать его не могут...

– Это Калуга, а не хрен с бугра... – выдержав паузу, обронил Шекель. – Мутный он человек, скользкий, но конкретный. И сила за ним... Казино у него на Новом Арбате, это уже о многом говорит...

Бородач взял кружку пива, прильнул к ней губами и остановился, когда на дне осталась только пена.

– О чем конкретно?

– Казино – это деньги. Большие деньги. Поставить казино не трудно, гораздо труднее его удержать. Тут и «пиковые» давят, и менты, и чины, и все, у кого зубы острые. Всем что-то нужно урвать. А Калуга держится. И с «пиковыми» у него все на мази, и с ментами... И свои бригады есть. В каждой охранной фирме своя бригада из конкретных бойцов...

– И много у него таких фирм?

– А по всему городу. Там кусок держит, там... Так удобно, вроде бы Калуга есть, а начнешь его искать, так и нет его нигде. А если где-то и найдут фирму, так там все на законных основаниях. Менты сейчас злые, отсвечивать нельзя...

– Злые не злые, но работать с ними можно.

– Можно, но осторожно. Они деньги возьмут, работу сделают, а потом раз – и ты уже сам верблюд. Потом доказывай, что не верблюд. Осторожно нужно все делать, главное, не отсвечивать... Ты меня понимаешь?

– Понимаю.

– Тогда почему отсвечиваешь?

– Я?!

– Ты... Ты же меня даже не знаешь, а пришел кони наводить. А если я тебя Калуге сдам? Ты же не просто так его пробиваешь? Ответку ты ему хочешь дать. А это серьезно. И для него серьезно, и для меня, и для всех. Ответка – это шум, а у нас тут шумных не любят...

– Значит, Калуге можешь меня сдать? – спокойно спросил Матвей, беря со стола воблу. И вдруг резко дернул рукой, напроць оторвав рыбе голову. Это произвело на Шекеля впечатление. Он звонил в свое время Герцу, наводил справки, кто такой Матвей Грачев, потому и поручил ему «мокрое» дело. Грач и «на перо» мог посадить без проблем, и голыми руками кадык вырвать. И ему не нужны наемники, он мог сделать все сам, своими руками...

– Ты меня не знаешь, а дело замутил. Нельзя так. Я-то тебя не сдам, это железно... – Шекель не очень смутился, но интонация изменилась. Голос его звучал уже не так уверенно и звонко. – Но ты думай, прежде чем удочки закидывать...

– Калуга наехал на мой отель! – Матвей не имел никаких прав на «Гранд Хаус», но на слове «мой» сделал особый упор. – Или он сдаст назад, или... Ты прав, все очень серьезно...

– И тебе нужна полная на него информация?

– Да. С кем у него и какие дела, сколько бригад, сколько людей, места обитания, фамилии, погоняла, все такое прочее.

– Что еще?

– А что ты еще можешь предложить?

– Если тебе нужна реальная бригада, могу подождать... О цене, думаю, договоримся.

– Это дело, брат... – одобрительно улыбнулся Матвей. – Люди мне нужны. Но не сейчас. И не конкретно. Может возникнуть ситуация, оставь наколку, если что, я с тобой свяжусь.

Шекель мог предложить ему бригаду в сборе, пять-шесть бойцов, готовых идти и в огонь и в воду. А мог подождать разрозненных людей, которых Матвей сам бы свел в реальную бойцовскую команду. Но Шекель темная лошадка, и Матвей уже рисковал, пытаясь выйти через него на Калугу...

Нет, людей он найдет сам, таких, на которых никто не сможет оказать влияние – ни Шекель, ни Калуга, ни кто-то другой...

Ментовской «уазик» снялся с места еще утром. И сейчас у ворот севастьяновского дома маячил крепкого сложения детина – бритоголовый, подтянутый, в черном костюме. Пиджак расстегнут, чтобы легче было доставать ствол из кобуры, в руке радиостанция.

Матвей сам договорился с охранной фирмой, люди должны были подъехать сегодня вечером. Он спешил к дому как раз для того, чтобы принять их, но ребята уже здесь. Их приняла Элеонора.

Матвей подходил к воротам так, чтобы не попасть в поле зрения видеокамеры. Во всяком случае, именно в этом охранник его и заподозрил. Он сунул руку под полу пиджака и поднес ко рту рацию.

– Да тише ты, не шуми! – Одной рукой Матвей поманил его к себе, а другой обозначил расстояние, на котором тот должен остановиться. К тому же он давал понять, что к оружию прибегать не собирается. Это и успокоило парня.

– Я тут к Элеоноре Викторовне, – сказал Матвей.

– Так я доложу! – Парень снова поднес радиостанцию ко рту.

Круглолицый он, щекастый, а глаза и уши маленькие. Не уши, а пельмешки. Глаза маленькие, но цепкие, и взгляд осмысленный. Голова, может, и дубовая, но пространство там для мозгов есть, и серое вещество присутствует, хотя, возможно, вперемешку с опилками.

– Да погоди ты! Тебе от Ивана Семеновича привет.

– От какого Ивана Семеновича?

– Ну, ты даешь! Ты из «Редута»?

– Ну да.

– А кто у вас там главный? Бергамов? А он с кем работает? С Калугой?

– Не знаю никакого Калугу!

– Калужных Иван Семенович.

– Не знаю! – пробасил парень.

– Да нет, просто ты не в курсе. У Калуги не одна такая фирма, его не все знают. Ты же рядовая охрана, зачем ему тебя знать? Короче, тут такое дело... – Матвей достал из кармана конверт, открыл его, засветив хоть и тонкую, но все же пачку денег. – Здесь три штуки зеленою, это аванс. Твоя задача следить здесь за всем, знать, где находится Севастьянова. Ничего делать не надо, только следить. Когда я позвоню, спрошу, где она, ты должен мне ответить.

– И все? – нахмуренно спросил охранник.

– И все. Три штуки аванс. За первую неделю. Три штуки за вторую... Короче, двенадцать штук в месяц.

– Только следить? И все?

– И все.

– Ну, давай.

Матвей протянул парню деньги, и его рука вдруг оказалась в жестком захвате. Конверт упал на землю, а рука оказалась за спиной. Он чуть не взвыл от боли.

– Молодец! Так и надо! Это была проверка! Я свой!

– Самсон, тут какой-то урод, надо принять, – сказал в рацию парень.

Охранник вызывал подкрепление, хотя, казалось, и сам мог справиться с Матвеем. Значит, он не собирался идти на компромисс. Именно на такое поведение с его стороны Матвей и рассчитывал.

Он добился своего, получил положительный результат, но предстать перед своими будущими подчиненными в позе обиженного не мог. Поэтому и ударил парня пяткой в голеностоп.

Болевой шок ослабил хватку, но этого было мало. Матвей ударил охранника затылком в лицо, только после этого он смог выкрутиться из захвата. Правда, при этом детина успел толкнуть его руками в спину, и он едва удержался на ногах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.